

Селиверстова Виктория Аскеровна,
студентка Юридического института,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»
Seliverstova Victoria Askerovna, Law Student,
Belgorod State National Research University

Научный руководитель:
Яковлев Валерий Иванович,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»
Yakovlev Valery Ivanovich,
Associate Professor of the Department
of Civil Law and Procedure,
Belgorod State National Research University

**ВОПРОСЫ РАСПОРЯЖЕНИЯ ОБЩИМ ИМУЩЕСТВОМ
СУПРУГОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ
ISSUES OF DISPOSAL OF MARRIED PARENTS' COMMON
PROPERTY IN INTERNATIONAL PRIVATE LAW**

Аннотация. Статья посвящена вопросам распоряжения общим имуществом супругов в международном частном праве. Рассматриваются коллизионные привязки, используемые для определения применимого права к имущественным отношениям супругов, а также особенности согласия супруга на совершение сделок с общим имуществом. Особое внимание уделяется соотношению семейного, вещного и обязательственного статутов в трансграничных отношениях. Анализируются положения российского законодательства, международных договоров и современные подходы в научной литературе. Делается вывод о необходимости более согласованного регулирования распоряжения общим имуществом супругов при наличии иностранного элемента.

Abstract. This article focuses on the management of marital property in international private law. It examines the conflict of laws rules used to determine the applicable law for marital property relations, as well as the specific features of a spouse's consent to transactions involving marital property. The article also explores the relationship between family, property, and contractual statutes in cross-border relationships. It analyzes the provisions of Russian legislation, international treaties, and current approaches in the scientific literature. The article concludes that there is a need for more consistent regulation of the management of marital property in cases involving a foreign element.

Ключевые слова: Брак, имущество, супруги, коллизии, договор, сделка.

Keywords: Marriage, property, spouses, conflicts, contract, transaction.

Распоряжение общим имуществом супругов в международном частном праве оказывается на пересечении как минимум двух нормативных логик. С одной стороны, речь идет о семейном режиме имущества супругов, то есть о том, кому и на каком основании принадлежит имущество, нажитое в браке, кто вправе им управлять и в каких пределах. С другой стороны, любая конкретная сделка с таким имуществом затрагивает вещные, обязательственные и процессуальные вопросы, которые нередко подчиняются уже иному праву. Именно поэтому в трансграничных спорах недостаточно установить, что имущество

относится к совместной собственности супругов по общему правилу ст. 34 СК РФ. Не менее важно определить, какое право регулирует само распоряжение, требуется ли согласие второго супруга, как оценивается добросовестность контрагента и по какому праву решается судьба уже совершенной сделки. В литературе справедливо отмечается, что в этой сфере особое значение приобретают категории «совместное место жительства супругов» и «принцип автономии воли сторон», поскольку именно через них чаще всего строится коллизионный анализ [3]. По российскому праву базовая коллизионная норма закреплена в ст. 161 СК РФ: личные неимущественные и имущественные права и обязанности супругов определяются правом страны их совместного места жительства, а при его отсутствии – правом страны, где они имели последнее совместное место жительства; если такого места жительства на территории РФ не было, применяется российское право. Для совместной собственности также значима ст. 253 ГК РФ, закрепляющая презумпцию согласия участников совместной собственности на распоряжение общим имуществом.

На практике первая сложность возникает уже при разграничении семейного статута и вещного статута имущества. Вопрос о том, входит ли объект в состав общего имущества супругов и может ли один из них действовать без специального полномочия, действительно тяготеет к семейному праву. Но вопрос о том, какие вещные права существуют на конкретный объект, как они возникают, переходят и защищаются, по российской модели решается по праву страны места нахождения имущества. Это прямо вытекает из ст. 1205 и 1205.1 ГК РФ. Поэтому при распоряжении, например, недвижимостью за рубежом семейный режим имущества супругов и режим самой вещи могут не совпасть. Международные договоры, действующие для государств постсоветского пространства, также знают такую развязку: в Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г. в ст. 30 отдельно указано, что правоотношения супругов, касающиеся недвижимого имущества, определяются по праву государства, на территории которого это имущество находится. Не случайно в доктрине подчеркивается, что в этой части «генеральной привязкой используется территориальный принцип» [5].

Отсюда вытекает и следующий узел проблем: согласие супруга на сделку в трансграничной ситуации нельзя оценивать абстрактно, только по одному правопорядку. По ст. 35 СК РФ владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов осуществляются по взаимному согласию супругов. При совершении одним из супругов сделки предполагается, что он действует с согласия другого супруга. Однако для сделок по распоряжению имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации, для сделок, требующих нотариальной формы, а также для сделок, подлежащих обязательной государственной регистрации, требуется нотариально удостоверенное согласие другого супруга. В свою очередь, ст. 253 ГК РФ связывает оспаривание сделки с доказыванием того, что другая сторона знала или заведомо должна была знать об отсутствии полномочий у участника совместной собственности. В международном обороте это создает заметное напряжение между защитой семьи и стабильностью оборота: чем активнее используется презумпция согласия, тем выше защищенность добросовестного контрагента; чем жестче требования к форме согласия, тем больше шансов у второго супруга оспорить сделку. Показательно, что Конституционный Суд РФ в постановлении от 30 октября 2025 г. № 36-П признал неконституционным отсутствие специального механизма подтверждения согласия супруга в исключительной ситуации, когда военнослужащие находятся в местности без нотариуса, и временно допустил удостоверение такого согласия командиром воинской части в узком предусмотренном случае. Это решение хорошо показывает, что даже формально ясная модель ст. 35 СК РФ нуждается в гибкости, когда сделка осложнена особыми фактическими обстоятельствами [4].

Еще одна проблема связана с изменчивостью коллизионной привязки. Международная мобильность супругов приводит к тому, что место их совместного проживания может неоднократно меняться, а вместе с ним – и право, подлежащее применению по ст. 161 СК РФ. Для споров о распоряжении имуществом это особенно чувствительно. Суду приходится отвечать не только на вопрос, где супруги проживали совместно, но и на вопрос, в какой момент следует определять применимое право: на момент приобретения имущества, на момент совершения сделки, на момент предъявления иска или на момент прекращения брака. Если имущество находится в разных государствах, а супруги последовательно проживали в нескольких юрисдикциях, возникает риск дробления режима имущества и появления так называемого мобильного конфликта. В этих условиях формула, согласно которой все решается исключительно личным законом супругов, практически не работает. Именно поэтому в литературе среди наиболее острых тем называются обратная отсылка, установление совместного места жительства и пределы автономии воли в имущественных отношениях супругов [3].

Существенное значение в международном частном праве имеет и брачный договор. Российская модель в этой части довольно сдержанна. Абзац второй п. 1 ст. 161 СК РФ допускает выбор применимого права для брачного договора или соглашения об уплате алиментов лишь супругами, не имеющими общего гражданства или совместного места жительства. Это не универсальная автономия воли, а ограниченная возможность, предоставленная лишь определенной категории лиц. Такой подход заметно уже, чем в ряде зарубежных правовых систем и международных инструментов, где допускается более свободный выбор права, связанного с гражданством, местом жительства или местом нахождения имущества. При этом значение брачного договора для распоряжения общим имуществом трудно переоценить: именно он позволяет заранее распределить управленческие полномочия, определить судьбу отдельных активов, согласовать режим недвижимости, корпоративных прав, счетов и доходов, а значит — снизить риск последующего спора о действительности сделки. В этом смысле современная тенденция действительно состоит в усилении договорного начала в имущественных отношениях супругов, хотя российский законодатель по-прежнему связывает его с довольно узкими коллизионными рамками [6].

Однако брачный договор не снимает всех вопросов. Даже там, где супруги смогли выбрать применимое право или изменить законный режим имущества, сохраняются пределы такого усмотрения. Нельзя игнорировать императивные нормы права страны, где совершается сделка, нормы о публичном порядке, требования к форме распоряжения недвижимостью, правила государственной регистрации прав, а также ограничения, направленные на защиту третьих лиц. Поэтому при трансграничном распоряжении общим имуществом брачный договор эффективен лишь тогда, когда он соотносится с обязательными требованиями соответствующих правовых систем. В противном случае он рискует остаться внутренним соглашением между супругами, не устраняющим пороки внешней сделки. В этом отношении показателен современный научный подход, согласно которому договорное регулирование супружеских отношений не должно восприниматься как безусловная приватизация семейного статуса: пределы автономии сторон здесь объективно уже, чем в классическом договорном праве, поскольку затрагиваются интересы семьи, кредиторов и добросовестных приобретателей [1].

Сравнительный материал подтверждает, что российская конструкция решает не все практические задачи. В Конвенции Гагской конференции по международному частному праву от 14 марта 1978 г. о праве, применимом к режимам собственности супругов, а также в Регламенте Совета ЕС 2016/1103, посвященном юрисдикции, применимому праву и признанию решений по делам о режимах имущества супругов, заметно стремление обеспечить

большую предсказуемость и единство режима имущества в трансграничных отношениях. Европейская модель исходит из того, что вопросы повседневного управления, распоряжения, ликвидации режима имущества и его последствий после прекращения брака целесообразно подчинять согласованной и максимально устойчивой коллизионной системе. Для российского права этот опыт важен не как образец прямого заимствования, а как указание на слабое место действующего регулирования: узкая автономия воли и отсутствие детально разработанных правил о смене применимого права повышают риск разрыва между семейным статусом имущества и судьбой конкретной сделки. В литературе это справедливо связывают с общим поиском нового баланса в международном семейном праве, где требуется одновременно учитывать интересы супругов, оборота и трансграничной правовой определенности [2].

Если свести проблему к ее практическому ядру, становится ясно: спор о распоряжении общим имуществом супругов в международном частном праве почти никогда не ограничивается одним вопросом. Суду или иному правоприменителю приходится последовательно установить состав общего имущества, определить применимое право к имущественному режиму супругов, отделить его от вещного статута конкретного объекта, оценить требования к согласию второго супруга, проверить форму сделки и учесть интересы третьих лиц. Наиболее уязвимыми остаются ситуации, в которых супруги связаны с несколькими государствами, имущество расположено в разных юрисдикциях, а их договоренности оформлены только по одному праву. Поэтому наиболее убедительным направлением развития выглядит не простое усиление одной привязки, а более точная координация семейного, вещного и обязательственного регулирования. Для российской практики это означает прежде всего более ясные правила о влиянии изменения места жительства супругов на применимое право, более детальную проработку последствий брачного договора в международном обороте и более аккуратное сочетание защиты второго супруга со стабильностью сделок.

Список литературы:

1. Ахмедов, А. Я. Пределы индивидуального регулирования супружеских отношений на основании брачного договора // *Lex Russica (Русский закон)*. – 2024. – Т. 77, № 4. – С. 35–53.
2. Войтович, Е. П. Международное семейное право: quo vadis? // *Актуальные проблемы российского права*. – 2023. – Т. 18, № 3. – С. 166-173.
3. Коваленко, Е. Ю. Актуальные вопросы распоряжения общим имуществом супругов в международном частном праве / Е. Ю. Коваленко, В. О. Давыдова // *Российско-азиатский правовой журнал*. – 2023. – № 2. – С. 57-62.
4. Малкин, О. Ю. Право, применимое к имущественным отношениям супругов: проблемы и тенденции правоприменительной практики // *Образование и право*. – 2024. – № 8. – С. 320-324.
5. Ситкова, О. Ю. Некоторые проблемные аспекты коллизионного регулирования имущественных отношений супругов // *Семейное и жилищное право*. – 2025. – № 5. – С. 6-9.
6. Чашкова, С. Ю. О тенденциях развития договорного регулирования семейных имущественных отношений супругов с учетом развития законодательства и судебной практики // *Lex Russica (Русский закон)*. – 2021. – Т. 74, № 5. – С. 63-73.

